

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ PW В СТАРОЕГИПЕТСКОМ ИМЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В староегипетском языке указательное местоимение *pw* употребляется в следующих группах конструкций (которые можно рассматривать как именные предложения).

I. Имя /группа имени/ личное местоимение + *pw*.

II. Имя /группа имени/ личное местоимение + *pw* + имя/ группа имени/ личное местоимение¹.

Синтаксическая функция указательного местоимения *pw* не была обойдена вниманием исследователей египетского синтаксиса, поэтому, прежде чем перейти к анализу материала, нам надлежит сделать краткий обзор уже высказывавшихся мнений, а поскольку до 1955 г. не существовало обобщающих работ по староегипетской грамматике², то нам придется начать с тех работ, в которых староегипетский синтаксис либо рассматривался вместе со среднеегипетским, либо вообще не отделялся от последнего.

Так, А. Эрман, первый систематизатор в области (старо-) египетского синтаксиса, в исследовании «Язык папируса Весткар»³, которое впоследствии легло в основу его грамматики, выдержавшей четыре издания, рассматривает указательное местоимение *pw* в первой группе конструкций (Имя / группа имени / личное местоимение + *pw*) как предикат, по функции соответствующий немецкому «es» в предложениях типа «Es ist eine Frau»⁴. Затем его точка зрения меняется, и уже в первом издании своей «Египетской грамматики»⁵ он указывает, что *pw* в этой группе конструкций является подлежащим, а вся конструкция употребляется «um das Prädikat eines Nominalsatzes hervorzuheben»⁶. Это мнение последовательно проводилось им во втором⁷ и третьем⁸ изданиях «Египетской грамматики». В последнем (четвертом) издании он уже никак не характеризует это местоимение, оговариваясь лишь, что в первой группе конструкций оно соответствует немецкому *es*, а во второй — употребляется «um ein Wort hervorzuheben»⁹. Б. Ганц в работе, посвященной египетскому синтаксису, трактует это местоимение во второй группе конструкций как логический субъект, «followed by a noun in apposition... The introduction of *pw* gives a stronger emphasis to the preceding word as logical predicate»¹⁰. Э. Х. Гардинер рассматривает указанное местоимение в первой группе конструкций

¹ Sander-Hansen C. E. Studien zur Grammatik der Pyramidentexte.— *Analecta Aegyptiaca*, v. VI. København, 1956 (далее — SHSGPT), § 461—482, S. 163—170; Edel E. Altägyptische Grammatik. B. II.— *Analecta Orientalia*, v. 34/39, Roma, 1955/1946 (далее — EAG II), S. 489, § 958; S. 495, § 971.

² По староегипетскому синтаксису см. Sander-Hansen C. E. Über einige sprachliche Ausdrücke für den Vergleich in den Pyramidentexten.— *Acta Orientalia*, København, v. 14, 1935—1936, S. 286—318; *idem*. Bemerkungen zum altägyptischen Identitätssatz.— *Acta Orientalia*, v. 17, 1938, S. 196—228.

³ Erman A. Die Sprache des Papyrus Westcar. Göttingen, 1889.

⁴ *Ibid.*, S. 116, § 283.

⁵ Erman A. Ägyptische Grammatik, 1. Aufl. B., 1894 (далее — EAG I), S. 140, § 434. Меняется, возможно, лишь формулировка (при прежнем мнении?).

⁶ *Ibid.*, S. 140 f., § 355.

⁷ B., 1902, S. 171 f., § 358*—359.

⁸ B., 1911, S. 249, f., № 477*—478. Ср. Steindorff G. Koptische Grammatik, 2. Aufl. B., 1904, § 427: «Der Nominalsatz mit *pw* wird nun häufig gebraucht, um das Prädikat eines Nominalsatzes mit nominalem Subjekt hervorzuheben».

⁹ B., 1928, S. 62, § 160; S. 165, § 356; S. 252 f., § 477—478.

¹⁰ Gunn B. Studies in Egyptian Syntax. P., 1924, p. 60.

тоже как логический субъект¹¹, сравнивая его по функции с франц. *se* в выражениях *c'est, ce sont*. По его мнению, во второй группе конструкций указательное местоимение *pw* является формальным логическим субъектом, в то время как реальный логический субъект стоит в постпозиции к *pw*, образуя с ним аппозитивное сочетание; логический же предикат помещается перед этим местоимением¹². На с. 632 второго издания «Египетской грамматики» (s. v. «*Sopula*») содержится намек на понимание *pw* во второй группе конструкций как местоименной связки — именно так в этой группе конструкций рассматривал К. Зете данное указательное местоимение¹³. В первой группе конструкций он считал это местоимение «неударным подлежащим»¹⁴. Г. Лефевр рассматривал *pw* в первой группе подлежащим типа *se* в оборотах *c'est, ce sont, c'etait*¹⁵; по его мнению, во второй группе конструкций *pw* — «*sujet apparent*», в аппозиции к которому помещается «*sujet réel*»¹⁶. Местоимение *pw* отделяется предикатом от реального субъекта. А. де Бук в первом случае считает *pw* подлежащим, а во втором случае — происшедшей из него копулой¹⁷. В содержательной, но полемичной статье Ж. Вергота эти взгляды не подвергаются ни опровержению, ни вообще какой-либо критике (имеется в виду старо- и среднеегипетский материал)¹⁸. Х. Грапов полагал, что рассматриваемое местоимение в первой группе конструкций является местоименным субъектом, а во второй — чем-то, напоминающим связку *ist*¹⁹. К. Э. Сандер-Хансен вообще считает это местоимение энклитической частицей в первой группе конструкций, справедливо относясь со скепсисом к характеристике *pw* во второй группе конструкций как копулы²⁰. И, наконец, Э. Эдель видит в *pw* в первой группе конструкций постпозитивный указательный субъект²¹. Он также высказывает мнение, что вторая группа конструкций возникла на основе первой группы²², но обходит молчанием синтаксическую роль *pw* во второй группе.

Из этого краткого обзора явствует, что у египтологов до сих пор отсутствует единое четкое представление о синтаксической функции указательного местоимения *pw* — «это(т)» в именном старо- (и средне-) египетском предложении.

Теперь перейдем к рассмотрению функции данного указательного местоимения в первой группе конструкций. Автор присоединяется к мнению тех исследователей, которые эмпирически пришли к выводу, что *pw* здесь функционально равнозначно местоименно-связочным оборотам типа франц. *c'est/ce sont*, англ. *it (he/she is, they are)*, нем. *es/das/dies ist*, рус. «это (есть)» и т. д., т. е. что *pw* соответствует в данном случае по функции указательному местоимению с глаголом-связкой (в тех языках, где она имеет-

¹¹ Gardiner A. H. *Egyptian Grammar*, 2 ed. L., 1950 (далее — GEG²), p. 103, 128.

¹² Ibid., p. 104, § 130. Ср. Plumley J. M. *An Introductory Coptic Grammar (Sahidic Dialect)*. L., 1948, p. 307: «When the Subject is expressed by a noun, it stands in apposition after the particle representing the logical subject».

¹³ Sethe K. *Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen*. Lpz., 1961 (далее — SNÄK), S. 77—78, 115—116.

¹⁴ Ibid., S. 61, § 87.

¹⁵ Lefebvre G. *Grammaire de l'égyptien classique*. Le Caire, 1940 (далее — LGEC), p. 292, § 607.

¹⁶ Ibid., p. 293, § 608.

¹⁷ Buck A. de. *Egyptische Grammatik*. Leiden, 1944, S. 93, 222—223.

¹⁸ Vergote J. *La phrase nominale en copte*. — In: *Coptic Studies in Honour of Walter Ewing Crum*. Boston, 1950, p. 229—242.

¹⁹ Grapow H. *Beiträge zur Untersuchung des Stils ägyptischer Lieder*. — ZAS, 1954, 79, S. 22.

²⁰ SHSGPT 166 u. ferner passim.

²¹ EAG II, S. 489, § 958.1

²² Ibid., S. 491, § 965.

ся или обычно употребляется²³⁾ в такого рода предложениях, без которых, видимо, не обходится ни один язык. Мы присоединяемся также к мнению тех исследователей, которые видят в *rw* подлежащее, если под грамматическим подлежащим понимать «главный член двусоставного предложения, грамматически не зависимый от других членов предложения и указывающий на то, к чему относится информация, содержащаяся в сказуемом»²⁴⁾, либо «главный член двусоставного предложения, грамматически независимый от других членов предложения, обозначающий предмет мысли, признак которого определяется сказуемым»²⁵⁾, либо, наконец, как «слово, рассматриваемое как содержащее первую, данную, исходную точку высказывания»²⁶⁾. Вышеприведенным определением *rw* удовлетворяет вполне. Ибо, что касается чередования форм *rw* и *rwj* в староегипетском²⁷⁾, то это скорее всего чисто фонетическое явление — результат неустойчивости дифтонгов в староегипетском языке²⁸⁾, а единичные случаи согласования этого местоимения с родом имени-сказуемого (т. е. замена *rw* на *tw*)²⁹⁾ достаточно просто объясняется самим происхождением этой конструкции³⁰⁾.

Но в вышеприведенных работах египтологов речь шла преимущественно о логических главных членах предложения. А каково их отношение к грамматическим главным членам? Вопрос упирается в «многоаспектность» или «многосуровневность» предложения³¹⁾.

§²³⁾ Так, рус. глагол-связка *быть* в современном языке почти полностью исчез из настоящего времени. Аналогичная связка может опускаться, например, в турецком языке в 3 л. наст. вр., см. *Джевет-заде Х., Конокос А. Н.* Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934, с. 173. Специфика староегипетского именного предложения с *rw* состоит как раз в том, что оно не имело глагольной связки, см. *Четверухин А. С.* Происхождение египетского именного предложения модели «имя + указательное местоимение», ШП и ПИКНВ, XIII, М., 1977, с. 175—179; *он же.* Именное предложение в системе староегипетского синтаксиса. — ПС, 1978, 27. Вероятно, и в родственных семитских языках глагольная связка первоначально отсутствовала (во всяком случае в настоящем времени), а в качестве копулы использовалось личное местоимение 3 л. ед. ч., что напоминает египетскую конструкцию. В прошедшем и будущем времени стал затем и в этих языках использоваться глагол *быть* или сходные глаголы (*Гранде Б. М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972, с. 327, 354, 377, 396 и 424. См. также *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, с. 167—183 и 432—433).

²⁴⁾ *Азманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1969, с. 329.

²⁵⁾ *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1976, с. 290.

²⁶⁾ *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960, с. 215. В действительности же определение понятия *подлежащее* является очень спорной, пока еще далеко не решенной проблемой, см., в частности: *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М. — Л., 1945, с. 167—176; *Суник О. П.* Общая теория частей речи. М. — Л., 1966, с. 85—93; *Мушин А. М.* Часть речи и синтаксические единицы. — В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968, с. 158—176.

²⁷⁾ *EAG II*, S. 489, § 958.

²⁸⁾ *Четверухин А. С.* Вокализация именных морфологических показателей египетского языка старой и средней ступеней развития. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годовичная научная сессия ЛО ИВАН СССР. Ч. II. М., 1977, с. 271.

²⁹⁾ *EAG II*, S. 489, § 959; S. 491, § 963.

³⁰⁾ *Четверухин.* Происхождение...

³¹⁾ То, что предложение имеет несколько уровней своей организации, осознавалось и раньше, но подробно этот вопрос стал разрабатываться в послевоенное время. Дискуссия о количестве уровней (аспектов) и их взаимоотношениях не закончена, см. *Банару В. И.* Очерк по теории предикативности. Кишинев, 1973, с. 5—9. В данном случае нас интересует то, что именуется «актуальным членением» (*Матезиус В.* О так называемом актуальном членении. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967) или «логико-грамматическим уровнем предложения» (*Панфилов В. З.* Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, с. 138—166) или «уровнем анализа, включающим известные синтаксические единицы, т. е. главные члены предложения» (*Гул-*

Действительно, *rw* не только грамматический субъект, но и логический, т. е. «то, о чем идет речь, то, о чем говорится в высказывании»³², либо «то, о чем говорится в предложении»³³, поскольку «субъект есть в логическом плане предмет, о котором мы что-то высказываем»³⁴. Более того, местоимение типа *rw* — почти всегда логический субъект в таких конструкциях, что вытекает из самой природы указательного местоимения, когда оно выступает одним из главных членов двусоставного предложения: оно лишено предметности и выступает в роли указателя на предмет, указателя, на который направлена вся конкретная характеристика этого предмета, т. е. то, что относится ко второму главному члену предложения³⁵. Такие предложения возникли, видимо, под влиянием доминирующих двусоставных структур из односоставных назывных³⁶, что в конечном счете связано с логическими операциями ($S - P$), без которых не возможно самое мышление³⁷.

Таким образом, в именном староегипетском предложении вида «имя / группа имени / личное местоимение + указательное местоимение *rw*» логическим и грамматическим субъектом является *rw*, а первое слово (или группа) — логическим и грамматическим предикатом. Это, между прочим, подтверждается еще и тем обстоятельством, что вместо имени (или

ман М. М. Позиции подлежащего в языках различных типов. — В кн.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972, с. 22).

³² Ахманова. Словарь..., с. 330.

³³ Розенталь, Теленкова. Ук. соч., с. 168.

³⁴ Форгаши Б. Логика. М., 1959, с. 224. Ср. Комдаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 574: «Та часть суждения, которая отражает предмет мысли, называется субъектом суждения...».

³⁵ Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974, с. 115: «Указательные местоимения (демонстративы) представляют собой основной способ оформления анафорических связей и дейктического указания. По семантике демонстратив является в первую очередь идентифицирующим показателем...» и далее: «...демонстратив указывает на референт, идентифицированный ситуацией». Иными словами, указательное местоимение типа *rw* — универсальный словесный заместитель «того, о чем идет речь, того, о чем говорится в высказывании», т. е. «реального источника действия как внелингвистической основы высказывания» (Ахманова. Словарь..., с. 330). К этому случаю уместно привести сказанное П. В. Чесноковым в монографии «Логическая фраза и предложение» (Ростов-на-Дону, 1961, с. 41) о механизме предикации: «Поскольку логическая фраза, являясь опосредствованным отражением действительности, не может относить свое содержание непосредственно к предмету, постольку в ней выделяется часть, которая не просто отражает этот предмет, а выступает в качестве его „представителя“ в мысли, его идеального „двойника“; этой части противопоставляется другая часть, которая содержит то, что мы относим к предмету, раскрывая одну из его сторон. Вторая часть должна всегда противопоставляться первой так, как если бы она противопоставлялась самому предмету... Наименования „первая часть“ и „вторая часть“ обозначают не порядок следования частей логической фразы, а лишь различные по роли в акте соотношения мысли с действительностью отрезки логемы. Порядок следования этих частей может быть различным» (с. 42). Здесь указательное местоимение *rw* является такой «первой частью», хотя в египетских конструкциях стоит на втором месте.

³⁶ Так, Д. В. Бубрих полагает, что односоставные предложения предшествовали двусоставным именным, а из двусоставных именных развились впоследствии двусоставные глагольные (при морфологической дифференциации частей речи): Бубрих Д. В. О возникновении подлежащно-сказуемого предложения. — Вестник ЛГУ, 1947, № 5, с. 77—87.

³⁷ Сеченов И. М. Избранные философские и психологические сочинения. М. — Л., 1947, с. 376: «У всех народов всех веков, всех племен и всех ступеней умственного развития словесный образ мысли в наипростейшем виде сводится на наше трехчленное деление» (имеется в виду формула «субъект — связка — предикат». — А. Ч.). См. также Таванец П. В. Суждение и его виды. М., 1953, с. 39: «...логический строй мысли, в отличие от грамматического, одинаков у всех людей, говорящих на разных языках» и далее, с. 175, пункт 13: «Субъектно-предикатная структура простого суждения имеет общечеловеческий характер»; Панфилов. Взаимоотношение..., с. 82: «Мышление всех современных народов качественно является одним и тем же, и можно говорить лишь о различиях в степени развития тех или иных его сторон». Ср. там же, с. 42—44 и 84 сл. См. также Леви-Стросс К. Структура мифов. — ВФ, 1970, № 7, с. 169, 173.

его группы) в данной группе конструкций может употребляться лишь эмфатизированное личное местоимение, т. е. местоимение, несущее на себе логическое ударение³⁸.

Теперь перейдем к рассмотрению второго вида староегипетских именных предложений, условно представленного здесь нами как модель «имя/ группа имени/ личное местоимение + указательное местоимение pw + + имя /группа имени/ личное местоимение». Здесь мы не будем рассматривать такие частные случаи этого вида, когда одним из главных членов выступают числительные или инфинитив³⁹. Добавим, что «группу имени» могут образовывать существительные с зависящими от них существительными, прилагательными, причастиями и местоимениями; причастия с зависящими от них дополнениями и, довольно редко, прилагательные с группой сравнения. Личные местоимения группы не образуют. Для упрощения анализа предложения, содержащие такую группу, специально здесь нами рассматриваться не будут, так как это — особый вопрос, но сказанное ниже приложимо в какой-то мере и к ним: в данном случае к «группе имени» будет относиться то, что в приводимых вариантах относится к «имени».

Тогда теоретически этот (второй) вид может быть представлен 16 основными следующими случаями:

1. a. Местоимение + pw + местоимение
b. Местоимение + pw + существительное
c. Местоимение + pw + причастие
Местоимение + pw + прилагательное
2. a. Существительное + pw + местоимение
b. Существительное + pw + существительное
c. Существительное + pw + причастие
Существительное + pw + прилагательное
3. a. Причастие + pw + местоимение
b. Причастие + pw + существительное
c. Причастие + pw + причастие
Причастие + pw + прилагательное
4. a. Прилагательное + pw + местоимение
b. Прилагательное + pw + существительное
c. Прилагательное + pw + причастие
Прилагательное + pw + прилагательное

В качестве источника мы привлекаем «Тексты пирамид» в издании К. Зете⁴⁰ с учетом дополнений Р. О. Фолкнера⁴¹.

Примеры:

На.: не зафиксированы, но с определенной долей вероятности восстанавливаемы при сопоставлении случаев РТ 703 b и внепирамидного материала⁴².

³⁸ Edel E. *Altägyptische Grammatik*. B. I.— *Analecta Orientalia*, v. 34, Roma, 1955, S. 81, § 175.

³⁹ В славянских языках определение подлежащего в конструкциях типа *Жить — хорошо* является спорной проблемой (Ивич М. *Оппозиция «односоставное предложение — двухсоставное предложение»*.— ИДВШ, *Филологические науки*, 1965, № 4, с. 181).

⁴⁰ Sethe K. *Die Altägyptischen Pyramidentexte*. B. I—IV. Lpz, 1908—1922.

⁴¹ Faulkner R. O. *The Ancient Egyptian Pyramid Texts Translated into English*. Supplement. Oxf., 1969 (далее — ФАЕРТ).

⁴² Пример из Текстов саркофагов — SNAK, 97, n. 1.

1.b: PT 703 b; в основном без pw: PT 1094 a — b; 1096 a; 1097 a — c; 1098 a; 1161 c и т. д.

1.c.: с pw не зафиксированы; без pw: PT 232 a; 1057 a; 1095 c — d; 1589 b и т. д.

1.d: PT 1066 a.

2.a: PT 703 b; 2041; без pw: PT 692 b.

2.b: PT 439 a — b; 924 b; 930 f; 973 b; 1094 a — b; 1096 a и т. д.; без pw: PT 493 a; 603 b; 1094 a⁴³; с препозитивным (к первому главному члену) jn и без pw: PT 1370 a; 1988 a⁴⁴.

2.c: PT 310 c; 326 d; 388 a — c; 399 d; 1023 c; 1057 a etc.; без pw: PT 388 a — b; 1193 b; с препозитивным jn: PT 1324 b; 1599 b; 1604 b; 1605 a, c; 1606 a; 1758 a; 2267 b и т. д.; с вариацией pj ∞ jn: PT 403 c, ср. с PT 399 a.

2.d: PT 262 a; 1188 d; 1423 a; 1066 a; 1097 a; 1423 a⁴⁵.

3.a: без pw: PT 1100 d.

3.b: PT 961d; 480 a; без pw: PT 1375 b.

3.c: достоверных примеров не найдено.

3.d: то же самое.

4.a: без pw: PT 1450 a.

4.b: без pw: PT 1632 b⁴⁶; с постпозитивной усилительной частицей (или суффиксом⁴⁷) wj : PT 3 a; 195 c; 221 a; 683 b.

4.c: достоверных примеров не найдено.

4.d: то же самое.

Сразу же отметим, что средишнее положение указательного местоимения pw придает ему действительно внешнее сходство с копулой тех языков, где она имеется. Возможно даже, что здесь кроется нечто большее, чем просто внешнее сходство. Действительно, если предложения вида II рассматривать как конкретные случаи реализации формулы логического суждения (субъект — связка — предикат), то, вероятно, ничто не препятствует трактовке данного указательного местоимения как связки. Но в таком случае все равно остается открытым вопрос: каким же образом указательное местоимение стало выполнять эту функцию?

Случаи без данного указательного местоимения приводятся здесь не случайно — они образуют особый подвид конструкций второго вида, который, вероятно, невозможно игнорировать при исследовании конструкции основного вида II. Более того, синтаксическая функция рассматриваемого указательного местоимения во второй группе конструкций может быть объяснена именно путем сопоставления конструкций основного вида с кон-

⁴³ В данном случае отсутствие указательного местоимения может быть вызвано и влиянием первоисточника, в котором вместо существительного реконструируется эмфатическая форма личного местоимения, при котором данное указательное местоимение было излишним в староегипетском языке; относительно PT 493 a см. перевод и замечания Фолкнера (FAERT, p. 97); относительно PT 603 b см. *ibid.*, p. 117; относительно PT 1094 a см. издание К. Зете. Во времена письменной фиксации текстов на стенах пирамидных помещений модель «существительное + существительное» могла уже отсутствовать в языке.

⁴⁴ А. Эрман (EAG IV, S. 261) высказывает мнение о соответствии египетской частицы jn арабской *inna* «поистине».

⁴⁵ Модель без указательного местоимения сомнительна, так как вместо прилагательного может быть употреблен глагол качества в форме псевдопричастия/старого перфекта качества и состояния/флективного причастия — EAG I, S. 210—212, § 465—466, — морфологические показатели которого в 3 л. ед. и мн. ч. м. и ж. р. (и в полном староегипетском написании 3 л. мн. ч. м. и ж. р.) — EAG I, S. 271—274, § 572—574 — неотличимы от соответствующих написаний родо-числовых показателей прилагательного — EAG I, S. 142, § 335. На это обращает внимание и сам Э. Эдель (Op. cit., S. 156, § 362 bb). Решить вопрос в пользу старого перфекта?

⁴⁶ EAG I, § 465—466.

⁴⁷ Gardiner. GEG², § 49.

струкциями этого особого подвида, которое лучше всего проводить, основываясь на материале предикативных сочетаний существительного с местоимением, существительным, причастием и прилагательным, поскольку для подслучаев второго пункта — правда, с оговоркой, помещенной в прим. 47, — наиболее характерно употребление как альтернирующих основного и вспомогательного (без указательного местоимения) вариантов. При этом можно выдвинуть предположение о том, что вид II является гибридным между видом I (имя/личное местоимение + указательное местоимение) и безместоименным подвигом II (имя/личное местоимение + имя/личное местоимение). Из этого может следовать, что вид II был в основном ориентирован на те случаи, когда в качестве первого и второго главных членов выступали существительные, поскольку вид I образовался на основе переосмысления сочетания «существительное + указательное местоимение» из атрибутивного в роли односоставного предложения в предикативное в роли двухсоставного предложения⁴⁸.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что *jn* и *wj* тяготеют к первому главному члену предложения рассматриваемого вида — первое ставится в препозиции к нему, второе — в постпозиции⁴⁹. Точно так же рассматриваемое указательное местоимение тяготеет к первому главному члену предложений этого вида, что объясняется происхождением этой конструкции. Установлено, что постпозитивное *wj* усиливает прилагательное и причастие⁵⁰, а препозитивное *jn* — существительное⁵¹. Последнее положение подкрепляется еще и тем обстоятельством, что существительное в этой позиции может заменяться лишь эмфатической формой личного местоимения⁵². Более того, *rw* изредка варьирует с *jn*⁵³. Ввиду всего этого мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые считают, что *rw* играет роль «эмфатизатора» первого главного члена в конструкциях типа II⁵⁴. Поскольку уже утвердилось мнение о том, что эмфатические формы личного местоимения несут на себе логический акцент⁵⁵, то естественно, что *jn*, *wj* и *rw* употребляются для логического подчеркивания обслуживаемой ими формы. Вариации употребления *jn* и *rw*, равно как и случаи отсутствия того и другого в конструкциях с первым главным членом — существительным, требуют дополнительного исследования, выходящего за рамки нашей работы, но в целом такое положение свидетельствует о следующем: 1) о специализации применения формальных средств логического выделения (*jn* — в конструкциях с первым главным членом — существительным, вторым главным членом — причастием; *rw* — в конструкциях с первым главным членом — существительным (вторично — личным местоимением), вторым главным членом — местоимением, существительным, причастием; *wj* — с первым главным членом — прилагательным и реже причастием); 2) об отсутствии универсальных средств логического выделения; 3) о возможной роли интонации в качестве одного из приемов логического выделения⁵⁶; 4) о роли позиции в качестве одного

⁴⁸ Четверухин. Происхождение...!

⁴⁹ Первое предположение было фактически высказано Э. Х. Гардинером (GEG², p. 104, § 130).

⁵⁰ EAG II, S. 148, § 834.

⁵¹ Ibid., S. 423 f., § 845; ср. § 846.

⁵² Ibid., S. 423, п. 1.

⁵³ РТ 399 а; 403 с.

⁵⁴ См. прим. 6, 7, 8 и 10.

⁵⁵ Являясь логическим предикатом (EAG II, S. 479 f., § 945).

⁵⁶ Интонация и ударение служат для логического подчеркивания во многих языках.

В данном же случае мы предполагаем их использование тогда, когда формальные средства — *jn* и *rw* — отсутствуют, что чаще всего имеет место в конструкциях, в которых первый и второй главные члены — группы имени.

из приемов логического выделения ⁵⁷; 5) о комбинировании средств логического выделения ⁵⁸.

Попытаемся теперь объяснить сущность функции рассматриваемого указательного местоимения, которое, как было сказано выше, является логическим субъектом в конструкциях вида I.

Если конструкции вида II включают в себя как составную часть конструкции вида I, это, видимо, означает, что и в конструкциях вида II данное указательное местоимение продолжает играть роль, сходную с той, что оно играло в конструкциях вида I, сходную, но не прежнюю, поскольку: 1) не говоря уже о виде II в целом и о его конкретных случаях (1.б; 2.а, б, с, д; 3.б; 4.б), даже в предложениях одного и того же лексического состава оно может то присутствовать, то отсутствовать (РТ 493 а; 1094 а; 388 а, б; 1193 б; 1100 б); 2) может чередоваться с *jn* (РТ 403 с); 3) *rw/rj* — самый малоинформативный член предложений этого вида, поскольку главный смысл всего предложения вида II создается в результате взаимодействия его первого и третьего члена; 4) в предложениях вида I *rw* является конституирующим элементом, без которого невозможно само предложение вида I, а в предложениях вида II оно скорее факультативный элемент, чем конституирующий. Поэтому мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые рассматривают первый член конструкции вида II как логический предикат, *rw/rj* — как формальный логический субъект, а третий член — как реальный логический субъект ⁵⁹. Правда, при этом возникает впечатление, что первому главному члену (логическому предикату) противостоит группа логических субъектов, якобы находящихся в некоей аппозитивной связи ⁶⁰, специфичной для конструкций этого вида. Такое мнение основано во-первых, на чисто позиционном следовании (друг за другом) двух субъектов и, во-вторых, на «семантической пустоте» формального субъекта.

Но не говоря уже о проблематичности аппозитивной связи двух логических субъектов (сочинительная связь вполне возможна, но не между разнородными — формальным и реальным, а между двух- и более однородными — реальными логическими — субъектами) ⁶¹, это несколько не объясняет сути дела — усиления логического предиката, иными словами, определение формального характера как субъекта само носит чисто формальный характер. Наоборот, мы были бы вправе ожидать, что такое аппозитивное сочетание двух (и более) логических субъектов усилило бы группу логического субъекта, но тогда последняя перестала бы играть роль логического субъекта и как усиленная превратилась бы в комплексный логический предикат, что опровергается эмпирикой понимания текста.

Можно было бы вообще кардинально пересмотреть весь вопрос и на основании первичной функции местоимения *rw* заявить, что оно здесь выступает в группе логического предиката, усиливая его и противопоставляясь в комплексе с ним как нечто единое целое реальному логическому субъекту ⁶².

⁵⁷ Исходя из возможности замены первого главного члена — существительного — на эмфатическую форму личного местоимения.

⁵⁸ Если первый главный член — существительное, то имеют место факторы 1, 3, 4; если это личное местоимение, — то особая морфологическая форма (независимые личные местоимения) + факторы 3, 4, иногда 1; если это группа имени, — то факторы 3, 4, иногда 1. См. также Николаева Т. М. Актуальное членение — категория грамматики текста. — ВЯ, 1972, № 2, с. 53 (о средствах выделения): 1) перифраза, 2) вынесение акцентированного члена..., 3) инверсия разных типов, 4) местоименная реприза, 5) логическое ударение. См. также БОТН 15—21. О морфологических средствах см. Панфилов. Взаимоотношение..., с. 111—136.

⁵⁹ Например, GEG ².

⁶⁰ Это мнение первым высказал А. Эрман в ЕАГ I, S. 141, § 355.

⁶¹ Например: РТ 1087 б; 1444 с; 1445 б; 1446 б; 1447 б; 1448 с и др.

⁶² Ср. Петровский Н. С. Египетский язык. Л., 1958 (далее — ПЕЯ), с. 296.

Но в какой же функции тогда выступает *rw*? В функции определенного артикля? Но определенно детерминированное имя, находясь в предикативных отношениях с недетерминированным или неопределенно детерминированным именем в нормальных условиях будет являться логическим субъектом, а не предикатом, ибо фактически определенно детерминированное имя уже в силу специфики самого определенного артикля в этой конструкции будет являться тем, о чем делается сообщение, а имя неопределенно детерминированное или с нулевой детерминацией опять же в силу семантической специфики неопределенной и нулевой детерминации в этой конструкции и в нормальных условиях явится тем, что сообщается⁶³. Тогда на первом месте у нас оказался бы логический субъект⁶⁴, а на втором — логический предикат, что противоречит практике понимания конструкции. Поэтому невозможно говорить ни об аппозитивной связи двух логических субъектов, ни об атрибутивной связи рассматриваемого указательного местоимения с логическим предикатом, хотя Н. С. Петровский, безусловно, прав, утверждая, что данное указательное местоимение связано прежде всего с первым главным членом конструкции вида II⁶⁵.

В языкознании уже давно утвердилось мнение о том, что логический предикат всегда имеет особое ударение (или соответствующую интонацию), и это подтверждается разнообразным языковым материалом⁶⁶. В египтологии также бытует представление об особых ударных формах личного местоимения и имени (с препозитивной частицей *nc*), которые выступают в одной функции⁶⁷ — в функции логического предиката⁶⁸. Если с таких позиций рассматривать конструкции вида I, то уже по одному использованию эмфатических форм личного местоимения в качестве первого главного члена этих конструкций⁶⁹ можно заключить, что первый член всегда несет на себе логическое ударение. Однако логико-грамматическая недвусмысленность конструкций вида I гарантируется употреблением указательного местоимения самого общего лексического значения в функции формального подлежащего⁷⁰, каковое является формальным организатором (конституентом) предложений данного вида.

При простом соположении личного местоимения и имени двусмысленности, вероятно, также не возникало в силу самого характера этого личного местоимения. В таком случае двусмысленность могла воз-

⁶³ Головин Б. Н. Введение в языкознание. 3-е изд. М., 1977, с. 203; Попов Ю. В. Предложение и коммуникация в психологическом синтаксисе. — Язык и стиль. М., 1965, с. 96—127; Чахрилов. Взаимоотношение..., с. 135—136.

⁶⁴ Что всегда имеет место, например, в аналогичной конструкции в классическом и современном литературном арабском языке (Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, с. 466, § 265, 2).

⁶⁵ ПЕЯ, с. 296.

⁶⁶ Ахманова. Словарь..., с. 222; Розенталь, Теленкова. Ук. соч., с. 169.

⁶⁷ EAG I, S. 33, § 84.

⁶⁸ GEG², S. 175, § 227.

⁶⁹ EAG I, S. 489, § 959.

⁷⁰ См. выше. Мы полностью присоединяемся к мнению Э. Х. Гардинера (GEG², p. 104, § 130), считавшего, что «...a demonstrative word like „this“ is far more often logical subject than logical predicate; we are more prone to say that „this“ is so-and-so than that so-and so is „this“».

⁷¹ Употребление указательного местоимения в качестве формального подлежащего в конструкции с первым главным членом — личным местоимением и последним — вторым главным членом — именем, исходя из происхождения самой конструкции с указательным местоимением, в принципе следует считать вторичным явлением. Ср. данные пунктов 1 b, c, d. Факультативный характер в этой конструкции указательное местоимение сохранило и в коптском — Till W. Coptische Grammatik. Lpz, 1955, S. 114, § 243; S. 119, § 246. Следует, однако, обратить внимание на то, что в египетской грамматике содержатся намеки и на употребление так называемых зависимых личных местоимений в той же роли, что и независимых эмфатических, которые считаются носителями логического ударения — GEG², S. 424—425. Это подтверждает лишь тот факт, что

никнуть при соположении двух имен, а точнее — двух существительных⁷².

Напрашивается предположение, что при соположении двух существительных логическое ударение первоначально могло свободно перемещаться, причем позиция не играла особой роли. Возможно даже, что такое положение еще в какой-то мере сохранялось в разговорном языке Старого царства⁷³, но вряд ли могло быть узаконено в языке письменном, который не знал графических способов выражения логического ударения. По этой ли причине или независимо от нее — таков был естественный ход развития египетского языка — прибегли к формальным средствам для фиксации логического ударения. При этом вполне закономерно встает вопрос: почему независимое личное местоимение⁷⁴ при соположении с существительным (или его группой) не нуждалось в дополнительных формальных средствах, а существительное в этой позиции в них нуждалось? На первый взгляд ответ прост: дело в том, что местоимение имело специфическую форму, функция которой как раз и заключалась в том, чтобы нести логическое ударение, а существительное такой формой не обладало, почему и понадобились вспомогательные формальные средства⁷⁵. Но это не ответ.

свойство того или иного ряда личных местоимений нести на себя логическое ударение — одно из его вторичных свойств, что прекрасно прослеживается в индоевропейстике на примере развития французских тонических местоименных форм *moi, toi, lui* — см. *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка, часть теоретическая. М., 1948, § 139, с. 39; *Шишмарев В. Ф.* Историческая морфология французского языка. М. — Л., 1952, с. 25—29 и 54—58; *Доца А.* История французского языка. М., 1956, с. 34—37, § 25—26; *Богомолова О. И.* Современный французский язык. М., 1948, с. 407—408, § 509. Правда при стереотипизации вышеупомянутой конструкции может наступить редукция эмфазы указанного личного местоимения, ср. *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937, с. 146. Вопрос о распределении функций рядов личных местоимений как в самом египетском, так и, тем более, в целом по афразийским языкам остается открытым: ср. *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 217—228, особенно 219, прим. 92; *Гранде.* Введение..., с. 193—203; см. также *Gelb I. J.* Sequential Reconstruction of Proto-Akkadian. — *Assyriological Studies*, № 18, Chicago, 1969 (далее — GSRPA), p. 171—186, особенно 184—186; *Brokelmann C.* Semitische Sprachwissenschaft. Lpz, 1906, S. 98—101; *Till W.* Die Zusammenhang zwischen den ägyptischen und semitischen Personalpronomina. — *WZKM*, 33, 1926, S. 236—251; *Vycichl W.* Die ägyptische Pronominalendungen, ihre vokalische Aussprache und ihre Funktion untersucht im Zusammenhang mit ihre Entscheidungen in hamitischen und semitischen Sprachen. — *Muscon*, 66, 1953, S. 381—389; *Hadge C. T.* Afroasiatic. — *CTL* 6, The Hague — Paris, 1970, S. 243; *Thucker A. N.* Erythraic Elements and Patterings. — *AfrIR*, 6, 1967, p. 17—25; *Newby C. D.* The Dependent Pronoun in Semitic and Egyptian. — *JOR*, 62, 1974, p. 193—198.

⁷² См. выше, случаи — 1 а — 4 д.

⁷³ Отголоском или отражением этого явления могут оказаться случаи, когда местоимение *pw* отсутствует. Это конструкции, в которых в качестве второго главного члена выступает лексема «имя — гп», образующая группу с зависимыми словами (PT 449 а; 1434 б и т. д.), случай типа PT 34 а, а также все те случаи, в которых исследователи видят механическую замену личного независимого местоимения существительным без сопровождения *pw* (PT 493 а; 603 б; 1094 а и мн. др.).

⁷⁴ Личное независимое местоимение в староегипетском языке может не быть логическим предикатом лишь в одном случае — когда оба главных члена предложения — личные независимые местоимения (естественно, что одно из них — логический субъект, см. прим. 44). Уместно отметить, что в некоторых работах термин «логический субъект» в применении к тому, что мы понимаем как «логический предикат», обозначает «носителя действия», «агенса» — ПЕЯ 250; *Коростовцев М. А.* Эргативный «падеж» в египетском языке. — В кн.: Древний Египет и древняя Африка, М., 1967, с. 88.

⁷⁵ Возможной синтаксической заменой личного независимого местоимения является сочетание частицы *jn* и существительного, см. КЭПЕЯ. Характерно, что эта частица сродни элементу *jn* — формы личного независимого местоимения 1 л. ед. ч. *jnk* и элементу *nt* — форм независимых личных местоимений ряда *ntk* — «ты», *ntt* — «ты» (ж. р.), *nft* — «он» и т. д., вытеснившего в конце концов ряд *twt, tmt, swt* и т. д. Свидетельствует ли этот факт о том, что указанная связь как-то ощущалась и самими носителями? См. *Дьяконов.* Языки..., с. 219 и прим. 93; EAG IV, S. 59, § 152; GEG², p. 53, § 64; EAG I, S. 80, § 174; GSRPA, p. 175.

То, что египетские независимые (эмфатические) личные местоимения действительно обладали самостоятельным ударением, которое в предложении функционировало как логическое, доказывается и коптским материалом, но ведь и существительное не могло не обладать самостоятельным ударением, скажем, в вокативном употреблении, в котором оно вовсе не всегда сопровождалось восклицательными частицами. К тому же, если оба главных члена рассматриваемых предложений были личными независимыми местоимениями, то опять же прибегали к использованию формального подлежащего — указательного местоимения ⁷⁶. Не свидетельствует ли это положение о том, что формальное средство употреблялось преимущественно в тех случаях, когда оба главных члена именного предложения относились к одному и тому же разряду частей речи? В чем же заключается специфика логического ударения при личном независимом местоимении и при имени?

На наш взгляд, специфика староегипетского личного независимого местоимения заключается в том, что оно в большинстве случаев располагало отдельным ударением, поскольку не имело управляемых им и почти не имело управляющих им слов (за исключением, пожалуй, предлога *п* в значении «ибо, так как, поскольку, ведь» и отрицаний *п* и позже *пп*), — оно не вступало ни в генитивную ⁷⁷, ни в атрибутивную связи, оно не управлялось ни глаголом, ни частицами ⁷⁸ (кроме указанных выше), в аппозитивную связь вступало лишь окказионально и устойчивых словосочетаний образовывать не могло.

В отличие от эмфатического личного местоимения, имя характеризуется тем, что оно преимущественно либо управляет, либо управляемо, либо и то, и другое одновременно, вследствие чего не может не вступать в ритико-интонационное объединение с управляющими им и управляемыми им словами ⁷⁹, которое является одним из свойств синтагмы ⁸⁰.

⁷⁶ См. прим. 44.

⁷⁷ Эту функцию имели местоимения-суффиксы: EAG I, S. 73—75, § 164—165.

⁷⁸ Эту функцию имели личные зависимые местоимения: EAG I, S. 165, 77—79, § 169—171.

⁷⁹ Первым, кто приблизился к пониманию этого явления, был Х. Абель, который в своей диссертации «Tonverschmelzung gewisser Wort-gruppen im Altaegyptischen (Lpz, 1910, далее — ATGWA, S. 3)» писал: «Das Koptische hat eine Anzahl griechischer enclitischer Partikeln aufgenommen. ... Diese treten im allgemeinen an die zweite Stelle des Satzes, aber sie koennen auch groessere Complexe vor sich haben. ... Diese Complexe vor den enclitischen Partikeln bilden nun immer, wie auch an den citierten Stellen zu ersehen ist, accentuell eine Einheit, haben nur einen Hauptton. Nun findet sich eine entsprechende Erscheinung auch im Altaegyptischen. Auch hier pflegen die enclitischen Woerter an zweiter Stelle zu stehen... Der Gedanke liegt nahe, diese Erscheinung mit der Koptischen parallelisieren und anzunehmen, dass hier die vor der Enclitica stehenden Glieder fuer den Aegypter lautlich auf derselben Stufe standen wie das einzelne Wort, dass sie lautlich in eins verschmolzen waren...». П. В. Ернштедт о коптском ударении писал следующее («Исследования по грамматике коптского языка», раздел «Фонетика и морфология», труд находится в издательстве «Наука», посмертно подготовлен к изданию О. К. Ернштедт и А. С. Четверухиным, цитируется с разрешения О. К. Ернштедт): «По своему качеству коптское ударение являлось сильно-эспираторным... Ударение в коптском языке является не только сильно-эспираторным, но и синтагматическим...». По мнению Н. С. Петровского, новоегипетская пунктуация также отражает синтагматическое членение речевого потока, см. статью «Проблема изучения синтагматики древнеегипетской речи» в сб. «Ассириология и египтология» (Л., 1964, с. 124—127); *он же*. Сочетания слов в египетском языке. М., 1970, с. 229—306. Ср. Коростовцев М. А. Основные элементы новоегипетского синтаксиса. — ВЯ, 1974, 2, с. 94—95; *он же*. Grammaire du neo-egyptien. М., 1962, с. 468—471; *Lichtheim M.* Have the Principles of Ancient Egyptian Metrics been Discovered? — JARCE, 9, 1971—1972, p. 103—110.

⁸⁰ В понимании ее Л. В. Щербой (Фонетика французского языка, 5-е изд. М., 1955, с. 88, § 99) и В. В. Виноградовым (Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 112—114 и 500—506).

[Эта особенность староегипетских независимых личных местоимений и имен сохраняется, на наш взгляд, применительно и к логическому ударению: у первых оно имеет тенденцию находиться в пределах одной формы, у вторых — в пределах объединения форм, иначе: независимое личное местоимение, как правило, не требует вспомогательных формальных средств для создания комплекса, несущего логическое ударение, имя — требует. В этой связи становится понятным, почему при соположении двух независимых личных местоимений необходимо применение формального средства: без него логическое ударение могло бы свободно перемещаться, тогда как формальное средство закрепляет его за первым членом конструкции, создавая особое ритмико-интонационное единство, приуроченное к логическому ударению. О соположении двух имен мы говорили выше — принцип тот же. Теперь, кажется, становится понятным и то, почему при соположении независимого личного местоимения и имени (или его группы) формальные средства носят более или менее выраженный факультативный характер: соположение элементов, разнородных в ритмико-интонационном отношении, если и не до конца исключало возможность «блуждания» логического ударения, то делало ее незначительной⁸¹. В любом случае постановка формального логического субъекта создавала в конструкциях вида II особую синтагму логического предиката, отделенную от второго главного члена — логического субъекта — еще и паузой⁸², ибо конструкция вида I, которая как бы инкорпорировалась в конструкцию вида II (безместоименный подвид), не могла не иметь паузы после рассматриваемого указательного местоимения как конечного элемента в составе предложения. Взаимодействие различных факторов, описанных выше, подлежит еще, разумеется, дальнейшему изучению, но в данный момент образование конструкций вида II мы представляем себе так.

1. Наличие разных ритмико-интонационных условий акцентуации личного независимого (эмфатического) местоимения и имени в предложении.

2. Тенденция личного независимого местоимения к началу предложения и отсутствие четкой тенденции у имени, находящегося под логическим ударением.

3. Ориентация позиции имени на позицию личного независимого местоимения с применением дополнительных формальных средств.

4. Закрепление применения формальных средств с последующей специализацией их применения, в том числе закрепление рассматриваемого указательного местоимения в качестве формального подлежащего для создания синтагмы логического предиката со специфической интонацией, ударением и паузой после нее.

5. Последующее распространение применения формального подлежащего на те случаи, в которых оно первоначально не применялось.

6. Застывание приемов употребления формального подлежащего и тех случаев, в которых оно не употреблялось⁸³.

⁸¹ О характере египетского ударения как такового приходится судить лишь по косвенным данным, но! совершенно очевидно, что в староегипетском оно не могло быть сильно-экспираторным, а приближалось к плавному. С течением времени его характер менялся, в результате начались различные фонетические и морфологические метаморфозы, чаще всего выступающие как процессы редукции, начало которых фиксируется концом Старого царства. У автора такое впечатление, что ритмико-интонационная характеристика староегипетского языка в чем-то приближалась к таковой современного французского и классического арабского языков.

⁸² Ср. ATGWA, S. 4. X. Абель также считает, что *rw* завершало оформление ритмической группы.

⁸³ См. прим. 75 относительно синтаксических конструкций с лексемой «имя», см. также EAG I, S. 138, § 330; GEG², p. 102, § 127, 1; ПЕЯ, с. 295, § 195, 1.

7. Возможная роль специфики письменного языка в применении формальных средств ⁸⁴.

Суммируя вышесказанное, мы утверждаем, что употребление указательного местоимения в конструкциях вида II создавало синтагму логического предиката, обладающую специфической интонацией, ударением, паузальной выделенностью в противовес всему остальному предложению. Самое же употребление указательного местоимения в этой конструкции неразрывно связано с его функцией в конструкциях вида I — функцией грамматического и логического субъекта ⁸⁵, каковая вытекает из природы данного указательного местоимения.

В чем же заключается принцип ввода рассматриваемого нами указательного местоимения в конструкцию вида II?

Рассматриваемое указательное местоимение, выработав вполне определенную функцию в составе конструкции вида I, будучи затем помещено в безместоименный подвид II, играет в нем своеобразную роль «поляризатора» логических функций его членов. «Логический заряд» этого указательного местоимения константен — это его свойство быть логическим субъектом. При вводе в безместоименный подвид II оно «поляризует» стоящий перед ним главный член, превращая его по отношению к себе в «постоянный» логический предикат, т. е. срабатывает механизм конструкции вида I. В возникшей при помощи наложения конструкции вида I на конструкцию безместоименного подвида II третьей конструкции — указательно-местоименный подвид II — рассматриваемое местоимение ограничивается лишь чисто организационной ролью, поскольку оно утрачивает свое прежнее (в конструкциях вида I) свойство быть «идеальным двойником» ⁸⁶ предмета, к которому предписывается его характеристика, ибо такой представитель уже имеется — он стоит после указательного местоимения. Отношения главных членов предложения в новой конструкции уже не могут исчерпываться отношением рассматриваемого указательного местоимения с логическим предикатом, это местоимение само по себе в новой конструкции не может быть главным членом потому, что оно по своей семантической нагрузке неравноценно стоящему за ним члену предложения, в результате чего главными теперь становятся отношения между первым и последним (стоящим за указательным местоимением) членами новой конструкции. «Наведенный» логический предикат в свою очередь «поляризует» последний член новой конструкции, и он превращается в логический субъект, при этом логический предикат и указательное местоимение — формальный логический субъект — как бы объединяются в группу логического предиката, так как формальный логический субъект непосредственно связан именно с первым главным членом — логическим предикатом, и лишь через эту связь опосредствованно со вторым главным

⁸⁴ Считаем необходимым обратить внимание читателя на то обстоятельство, что ныне давно уже мертвый староегипетский язык обладал такой системой письма, которая не только не обозначала логического ударения, но также и гласных, удвоения согласных, словораздела, разделения предложений; она нерегулярно передавала *ав* и *йот* и очень часто пользовалась сокращенными написаниями; красные точки, напоминающие знаки препинания, ставились далеко не во всех новоегипетских манускриптах. Поэтому мы не исключаем, что применение формальных средств логического выделения дополнительно диктовались недостатками системы письма: там, где при чтении или декламации текста могла возникнуть неясность вследствие невыраженности логического ударения, могли применить недвусмысленную синтаксическую конструкцию с участием вышесказанных формальных средств. Совершенно очевидно, что синтаксическая двусмысленность, а тем более логическая, была абсолютно нежелательна в таких текстах, как «Тексты пирамид», от правильного понимания и декламации которых зависела судьба царя в загробном мире.

⁸⁵ См. начало статьи.

⁸⁶ См. прим. 37.

членом — реальным логическим субъектом, что не позволяет нам усматривать между формальным и реальным логическими субъектами апозитивную связь, по крайней мере первоначально ⁸⁷.

Таким образом, на один формальный логический субъект (привнесенный извне, из другой конструкции) приходится общий (и реальный, и формальный одновременно) логический предикат и один реальный логический субъект. Смысл ввода этого формального логического субъекта, выраженного указательным местоимением, заключается в том, что он придает «жесткость» конструкции и препятствует перераспределению логических функций главных членов. В образовании такого «жесткого трехчлена» (подобного треугольнику в механике) и заключается смысл ввода указательного местоимения. Именно в этом суть его функции. Естественно, что все вышесказанное в значительной мере относится и к указательному местоимению в оборотах *c'est (ce sont ... qui) que...*, *it is ... who (which ...) es ist ... yet/was...* и т.д. в современных западных индоевропейских языках, равно как и к русским оборотам с «то» и «это» ⁸⁸. Во всех этих случаях наложение двух логико-грамматических моделей, одна из которых почти абсолютно устойчива ⁸⁹, а другая допускает перераспределение логического акцента, приводит к образованию новой, третьей устойчивой модели ⁹⁰.

А. С. Четверухин

THE SYNTACTICAL FUNCTION OF THE DEMONSTRATIVE PRONOUN *pw* IN THE OLD EGYPTIAN NOMINAL SENTENCE

A. S. Chetverukhin

[The author considers the function of the demonstrative pronoun in two types of construction: «Noun/noun group/personal pronoun + *pw*»; «Noun/noun group/personal pronoun (+ *pw*) + noun/noun group/personal pronoun». The demonstrative *pw* is the formal logico-grammatical subject of the Old Egyptian nominal sentence. The logico-

⁸⁷ Если допустить, что апозитивная связь возникает в коптском языке, то с этим, возможно, следовало бы связать случаи, когда указательное местоимение — формальное подлежащее (в именных предложениях, где оно занимает срединное положение, других случаев мы не касаемся) — согласуется в роде и числе не с первым, а с третьим членом именного предложения (довольно много таких случаев зарегистрировано П. В. Ерштелдом в упомянутой выше работе, раздел «Типология предложения»).

⁸⁸ *Моложко А. И.* Трудные случаи лексико-грамматической характеристики слов «это» и «то» в русском языке. — В кн.: Вопросы грамматики. Сборник к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М. — Л., 1960, с. 342—361.

⁸⁹ «Почти» — потому, что именное предложение из двух членов в принципе может передавать три различных суждения, см. прим. 72 (при этом мы учитываем и «одночленные фразы») (*Щерба*. Фонетика..., с. 123, § 188—189; ср. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 305).

⁹⁰ Логический предикат в предложении вида II можно сравнить с двухместным логическим предикатом в одном из направлений современной математической логики; отличие состоит в том, что там в качестве логического предиката рассматривается глагольное сказуемое. При трактовке суждения в рамках этого направления «глагольное сказуемое будет выражать — местный предикат, а аргументы этой (логической. — А. Ч.) функции будут выражаться подлежащим и дополнениями, обозначающими субъект и объект действия. Фиксируемая здесь структура суждения передается формулой $A(x)$ или $A(x, y, \dots)$, поскольку пропозициональная функция может иметь один или более аргументов, т. е. предикат в ее составе может быть или одноместным, или многоместным» (*Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 113). Действительно, логический предикат в конструкциях вида II является общим у формального и реального логического субъектов. И, наконец, конструкции типа той, что описана выше как «вид II», характерны для языков с твердым порядком слов (Общее языкознание, с. 303). По-видимому, существует какая-то косвенная связь между порядком слов и характером ударения в языке.

grammatical predicate, which usually stands first in this type of sentence, is in predicative relationship both to the formal logico-grammatical subject (pw) and to the real logico-grammatical subject hanging onto the end of the sentence. The logico-grammatical predicate is marked by the predicative relationship of the formal logico-grammatical subject and the logico-grammatical predicate. The predicative relationship of the marked logico-grammatical predicate and then formal logico-grammatical subject constitutes the general sense of the sentence.
